

ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ В СВЕТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ К. МАРКСА О НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В. Э. Смирнов

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь
e-mail: smirnoffv67@gmail.com

Анализируется ошибочная теоретическая установка в советской и современной постсоветской экономической науке, связанная с экстраполяцией понятий и категорий капиталистической экономики, в частности категории обмена, на экономику социалистического общества. Недостаточная строгость в понимании категорий марксистской политической экономии обусловила как практические ошибки социалистического строительства в прошлом, так и ошибки современных теоретических интерпретаций экономики советской эпохи.

Ключевые слова: марксизм; обмен; политэкономия; СССР; социализм; капитализм; экономика.

FEATURES OF THE SOVIET ECONOMY IN THE FRAMEWORK OF THE IDEAS OF K. MARX ABOUT THE INITIAL STAGE OF COMMUNIST SOCIETY

V. E. Smirnov

Institute of Economics of the National Academy of sciences of Belarus,
Surganova street 1/2, 220072, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: smirnoffv67@gmail.com

The erroneous theoretical position in soviet and modern postsoviet economic science connected with extrapolation of concepts and categories of capitalist economy, in particular category of exchange, on economy of socialist society is analyzed. The lack of rigor in understanding the categories of Marxist political economy caused both the practical mistakes of socialist construction in the past and the mistakes of modern theoretical interpretations of the economy of the Soviet era.

Keywords: marxism; exchange; political economy; the USSR; socialism; capitalism; economics.

Прошло почти 30 лет как пал Советский Союз – страна, где впервые за всю современную историю люди попытались воплотить в жизнь идеи научного коммунизма, изложенные К. Марксом и Ф. Энгельсом, а также их последователями. Конечно, сегодня – в год рождения великого мыслителя, многие будут говорить о значимости его учения, направлениях развития марксизма как великой теории. Но мне представляется актуальным вспомнить о реальной практике построения общества, которое впервые попыталось перестроить себя в соответствии с идеями теории К. Маркса. Это тем более важно, что в современной науке опыт советского социализма активно извращается, либо в лучшем случае замалчивается

обществоведами, выражающими интересы класса, выросшего на развалинах СССР благодаря утилизации советского наследства. Удивительным является то, что даже, так называемые марксисты, коммунисты и др. «левые», зачастую «бегут» от серьезного рассмотрения советского опыта как черт от ладана, отделяваясь невнятными фразами о надстроечных элементах, типа «командно-административной» системы, и рассуждениями о том, что в СССР социализм был ненастоящий. Внимательный анализ политэкономических основ экономической системы в СССР в контексте взглядов К. Маркса позволит, на мой взгляд, определить, насколько «настоящим» был социализм в СССР, ведь понятно, что именно анализ экономического базиса, в данном случае, намного полезнее, чем спекуляции по поводу особенностей надстройки.

Нужно сказать, что Маркс очень мало написал о реалиях коммунизма. Собственно говоря, в основном, его задачей было изучение одной формации – экономической, которая развивалась через ряд стадий, или, как он писал в предисловии в «К критике политической экономии» «...азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [1, с. 7]. Тем более важными для нас являются его сравнительно редкие замечания, посвященные коммунизму и особенно его первой, ранней фазе, которую мы привыкли называть социализмом. Одной из таких работ и, вероятно важнейшей, является Критика Готской программы.

Анализ соотношений категорий и понятий социалистической экономики в сравнении с экономикой капиталистической, рассмотренных Марксом, можно начинать с любой из них, однако мне представляется, что наиболее значимой является категория обмена. Дело в том, что обмен как одна из определяющих политэкономических категорий, объясняющих суть экономических отношений общества, построенного на частной собственности, теряет свое методологическое значение, не отражая природу экономических отношений в обществе, где частная собственность исчезает. В частности, Маркс пишет: «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов» [2, с. 18].

Нужно сразу отметить, что «обмен» в марксизме, это конкретное понятие с абсолютно точным значением: это – исключительно стоимостной обмен товаров и, не более. Хотя, например, в первобытнообщинном обществе или в будущем, при коммунизме господствует прямое, не опосредованное обменом потребление каждым произведенного всеми, однако, по Марксу, это не тот обмен, который присущ экономической формации.

Так что это за обмен, и какова роль обмена в советской экономике? На этот вопрос я попытаюсь ответить на примере социалистической экономики в СССР. То, что предприятия СССР не обменивали своих

товаров, достаточно очевидно. Они поставляли их друг другу и в торговлю согласно плану, а цены по существу и в принципе не отражали стоимости товаров и поэтому решительно отличались от мировых и, зачастую, слабо соотносились с затратами на их изготовление. Более сложен другой вопрос, касающийся такой политэкономической категории, как «рабочая сила». В литературе, посвященной советской экономической системе, пишут об обмене в этой сфере как о само собой разумеющемся: человек делает определенную работу и получает за это деньги, на которые он покупает необходимые ему вещи. При этом предполагается, что здесь происходит обмен труда на деньги, денег на вещи.

Однако видимость не всегда адекватна реальности. Что значит: «делает определенную работу»? Конечно, какой-нибудь кабинетный ученый может предполагать, что сегодня так построена и вся экономика: человек делает определенную работу, т.е. производит продукт, товар, и обменивает его на другие товары (при посредстве денег). Но капиталистическая система экономики работает иначе. В ее рамках работник продает не плоды своего труда, как это было во времена господства ремесленного производства, а свою способность к труду в течение определенного времени. Работник на самом деле не распоряжается произведенным продуктом – им распоряжается капиталист. Более того, любой продукт создают все. То есть, сегодня общественный характер производства совершенно очевиден. И настолько, что в автомобиле, созданном, например, концерном Тойота есть кусочек труда пожилой учительницы из Пензы: то есть, учитель учит детей рабочего, врач лечит, рабочий другого завода льет металл или качает нефть, инженер конструирует и т.д.

В социалистическом же обществе, где существует общественная собственность на средства производства, «производители не обменивают своих продуктов» (Маркс) так же, как заводы и фабрики в СССР не обменивали своих продуктов, а поставляли их друг другу согласно плану. Важно то, что ровно так же дела обстояли и в отношении особого товара – рабочей силы. Продавая ее, рабочий продает свою способность к труду. Но как товар она выступает только в капиталистическом обществе, где у рабочей силы имеется стоимость, поэтому и возможен ее обмен ровно так же, как обмен любых других товаров. Капиталист покупает (обменивает) этот товар на другие и использует так, как считает нужным. Причем только труд порождает стоимость, но сколько ее труд породил, волновать рабочего не должно, поскольку на время работы его труд ему не принадлежит – он принадлежит капиталисту. Рабочий же совершает обмен, продавая свою способность трудиться.

В коммунистическом обществе – даже на его ранней стадии, несмотря на видимое подобие, политэкономическое отношение совсем иное. Труд в таком обществе не является товаром. Маркс так и пишет: «столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется

здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда» [2, с. 18]. Поэтому трудящийся и не обменивает свою способность к труду на другие товары согласно цене (как выражению стоимости) рабочей силы.

Можно ли сказать, что в СССР было именно так? Несомненно. Само право на труд решительно противоречит принципу продажи способности к труду как товара. При этом стоимость товара рабочая сила в советской экономике отсутствовала, ибо состояла из суммы стоимостей (цен, как выражений стоимости) товара, необходимых для поддержания жизни и воспроизводства рабочих. А выше было показано, что цены этих товаров никак не отражали их стоимость, если вообще о ней можно говорить в реалиях советской экономики. Я уж не говорю о том, что предприятие выступало не только организатором производства, но и центром культурной жизни рабочих, всевозможной бытовой, воспитательной и т.п. деятельности, часто далекой от чисто промышленной по выпуску определенной номенклатуры товаров.

К сожалению, очень часто экономисты рассматривали такую ситуацию как порчу, как искажение «нормальной, рыночной» экономики. А это было не так, если рассматривать советские реалии в соответствии с положениями Маркса об организации коммунистической экономики на ее начальной фазе. Замечу, речь идет о первой стадии коммунистического общества, «которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло» [2, с. 18]. Именно поэтому прямое, а не опосредованное обменом распределение, все же не является свободным. Человек не получает еще по потребностям. Он получает ровно ту же долю произведенного общественного продукта, какую вложил в совокупный труд. Еще раз повторю: происходит не обмен труда согласно закону стоимости на товары той же стоимости, а отношения, организованные по принципу производства и распределения в классическом колхозе: какую долю труда вложили, такую долю (за необходимыми изъятиями) и получили, или как пишет Маркс «То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме» [2, с. 18]. С правовой точки зрения, замечает Маркс, это еще буржуазное право, ибо сколько труда вложили, столько продукта и получили, а истинно коммунистическое отношение — это каждому по потребностям; но, по сути, «содержание и форма здесь изменились» — это уже принципиально другое политэкономическое отношение, ибо рабочая сила перестала иметь стоимость, быть товаром и обмениваться в соответствии с законом стоимости.

Собственно говоря, при социализме производители не обменивают товаров именно потому, что товаром не является труд (способность к труду). Если рабочая сила, не является товаром (не имеет стоимости и не обменивается в соответствии с законом стоимости), то она товаров и не создает, поскольку не создает стоимости, раз сама ее не имеет. Поэтому они и не обмениваются. Но верно и обратное: производители не обменивают продукты потому, что эти продукты не имеют стоимости, ибо были созданы рабочей силой, стоимости не имеющей. Таким образом, мы приходим к выводу, что и обмена произведенными продуктами (товарами) между производителями, и обмена рабочей силы на товары в социалистическом обществе не существовало. Он – обмен остается только на периферии общественных отношений, как то: на рынках, в артелях и т.п. И здесь, как нельзя, кстати, можно вспомнить очень точное умозаключение А. Чаянова: «Экономическая теория современного капиталистического общества представляет собой сложную систему неразрывно связанных между собой категорий (цена, капитал, заработная плата, процент на капитал, земельная рента), которые взаимно детерминируются и находятся в функциональной зависимости друг от друга. И если какое-либо звено из этой системы выпадает, то рушится все здание, ибо в отсутствие хотя бы одной из таких экономических категорий все прочие теряют присущий им смысл и содержание и не поддаются более даже количественному определению» [3, с. 117].

В этом смысле, если сводить экономику к рыночной экономике, как это делают современные адепты рыночного фундаментализма, то советское общество было обществом уже неэкономическим – только что в начальной его стадии. А ведь это и было целью Маркса. Можно возразить, утверждая, что предприятия переводили деньги за отгруженную продукцию – разве это не обмен, но, как уже было сказано, цены на эту продукцию определялись не стоимостью, которой не было, а интересами общественного производства, организованного согласно плану. Кстати, нужно заметить, что, строго говоря, предприятия никаких денег не переводили, ибо опять же, в точном смысле слова, денег в СССР не было. А не было их потому, что деньги не были товаром – они ничего не стоили (стоимость денег – это ссудный процент). Советские «деньги», а речь, в первую очередь, идет о безналичных деньгах (хотя к наличным это также относится), были не более чем способом учета в сложном плановом хозяйстве.

Нужно сказать, что примерно в середине XX века с некоторыми принципами вышеописанной организации возникли проблемы. В частности, когда, согласно Марксу, речь идет о труде, который можно подсчитать количественно, например, через рабочее время, особой проблемы не было: человек получает обратно в другой форме то же количество труда, которое он дал обществу. И пока такой труд преобладает, все нормально. Но рядом с таким трудом, который в

обществе, основанном на обмене и товарном производстве только и производит стоимость (В. М. Межуев), всегда появляется, и постепенно во все большей степени существует другой труд, который, по мнению многих авторов, и моему в частности, соотносится с марксовым «всеобщим трудом» (В. М. Межуев, В. С. Библер), труд, который не измерим рабочим временем по своей сути.

В капиталистическом обществе с таким трудом обращаются двояким образом: во-первых, рассматривая его как рабочую силу, имеющую стоимость (только для, например, ученых в стоимость рабочей силы включается дорогостоящее образование и уровень потребления (не только материального, но и культурного), позволяющий поддерживать ученому его творческую способность). Во-вторых, покупая продукты такого труда как артефакты. Наиболее показательным примером такого экономического отношения является цена произведений искусства, в частности изобразительного. Понятное дело, вывести цену картины из того, как долго художник работал над полотном, невозможно. Можно просто назначить цену, и специфической рекламой «разогнать» ее до той или иной величины. Есть, конечно, эстетические критерии, но, во-первых, и их перевести в стоимость не представляется возможным, а во-вторых, примером выступают такие произведения как «Черный квадрат», когда их оценка явно не имеет отношения к эстетическим критериям. Нужно сказать, что отношение к плодам такого труда как к артефактам присутствует не только в искусстве, но и в науке. В науке этот подход выражается в системах назначения грантов и премий ученым.

Как правило, первый и второй подходы сплетены в неразрывную систему. При этом проблема очевидна. Чем большую важность в общественном производстве приобретает труд, несводимый к количественным показателям, тем менее определяемыми становятся основные категории капиталистического оборота, и тем сильнее обостряется основное противоречие капитализма.

В социалистическом обществе, проблема стояла не менее, а более остро. Пока в СССР господствовал труд, сводимый к количественному выражению, принцип: «то же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме» работал достаточно надежно. Деятели науки и культуры было относительно мало, и их труд оплачивался как вышеописанный «артефакт». Но СССР стремительно развивался и всеобщий труд стал выходить на первое место. К нему уже нельзя было относиться по-старому. Однако эта проблема так и не была решена, что, в определенной степени (!) порождало постепенное нарастание недовольства интеллигенции своим местом в социальной структуре общества, материальным и символическим вознаграждением.

Суть проблемы заключалась в том, что невозможно количественно подсчитать вклад ученого в категориях «количества труда, которое он дал обществу в одной форме», тем более, если он занимается фундаментальной

наукой. А, следовательно, непонятно, сколько он должен получить в «другой форме». Собственно говоря, по Марксу, там, где исчезает количественный учет труда, принцип, каждому по труду должен уйти в прошлое, а восторжествовать должен принцип каждому по способностям. Но в переходную эпоху, когда еще существует масса простого, совместного труда, это сделать невозможно. Поэтому, вероятно, единственным способом вознаграждения тех же ученых должна была оставаться та самая, многократно критикуемая уравниловка, которая, скорее, проводилась не слишком, а наоборот, недостаточно последовательно.

Впрочем, это предмет отдельного разговора, а в заключении хотелось бы заметить следующее. Все сказанное выше в той или иной степени осознавалось и лидерами СССР, и ее идеологами в ранние годы существования страны. В 1951 году была развернута инициированная Сталиным бурная дискуссия по данной проблеме. К сожалению, в дальнейшем теория все больше забывалась или игнорировалась, что выразилось в стратегически провальной реформе Косыгина-Либермана, свидетельствующей о решительном непонимании принципов, на которых должна базироваться социалистическая экономика. К сожалению, по ряду субъективных и объективных причин в позднем СССР со временем все больше стали рассматривать советскую экономику и общественные отношения в категориях политэкономии капитализма. А с этой точки зрения советская экономика была просто нелепой. Цены ведь не отражали стоимости, как и зарплаты – в общем, вся экономика казалась каким-то уродливым искажением «нормальной» экономической организации капитализма, что, на мой взгляд, сделалось мощнейшим фактором, поспособствовавшим краху Советского Союза. И во многом это связано с господством так называемого Пиджин-марксизма, утвердившегося в идеологической сфере, что стало одной из важнейших причин, если перефразировать слова Андропова, отсутствия знания «об обществе, в котором мы живем».

Библиографические ссылки

1. Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений. – 2-е изд. Т. 13. С. 7.
2. Маркс, К. Критика готской программы / К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения. – 2-е изд. Т. 19. М. 1961. С. 18.
3. Чаянов, А.В. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства // А.В. Чаянов. Крестьянское хозяйство. М. – 1989. – С. 117.